

война (1756—1763), много значившая для судеб Европы, не внесла ничего принципиально нового в общий ход истории, не заставляла проверять теорию практикой, просветительскую философию — действительными результатами революций. «Спокойный» ход истории не требовал и от литературы русского классицизма, как он сложился к 1750-м годам, каких-либо существенных перемен на протяжении всей третьей четверти XVIII в.

Убыстрение исторического развития, все нараставшее к концу века и означавшее, как стало понятно наиболее проницательным умам уже к концу 1790-х годов, начало новой эры мировой истории — эпохи господства буржуазии, это ускорение темпов исторического движения потребовало и от русского классицизма действенного творческого отклика. Это не значит, что искать ключ к поэзии Державина надо прямо и непосредственно в политической и социальной истории его времени. Сегодня в нашей науке побеждает более плодотворное направление исследований, которое видит в эстетическом сознании нации особую форму проявления «духовного производства», в известной степени самостоятельно и по-своему выражающую то, что уже было выражено до нее или одновременно с ней другими сторонами общественной жизни.

Отношение поэзии Державина к классицизму — как бы мы ни определяли характер этого отношения — есть, следовательно, не только академическая проблема, способная заинтересовать записных «специалистов» по Державину, а действительная проблема живой истории его времени. И если мы найдем правильный, т. е. плодотворный метод постановки этой проблемы, постановки не умозрительной, не абстрактно-логической, а историко-литературной, то и литературная позиция Державина перестанет быть объектом тех разноречивых суждений, примеры которых мы приводили выше.

Что же в самом творчестве Державина порождает сомнения и исследовательскую неуверенность, что приводит к столь удивительной пестроте оценок? «Виноват» в этом в первую очередь, по-видимому, сам Державин. В его стихах своеобразно преломляются поэтические явления, оказавшие мощное воздействие на развитие всех европейских литератур конца XVIII—начала XIX в.: пейзажная лирика Томсона и Грея, «ночные думы» Юнга, поэмы Оссиана, германские и скандинавские мифы вместе со своими героями и богами занимают в его творчестве полноценное место в одном ряду с мифологией греков и римлян, с образами Горация и Анакреона, с привычным антуражем поэзии середины века — античным Олимпом.